

М. В. Станюкович

СЕМЬЯ И СУДЬБА ТАТЬЯНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ СТАНЮКОВИЧ

Татьяна Владимировна была свидетелем и участником всех основных событий XX в.: родилась в Петербурге в канун революции, пережила ссылку как член семьи врага народа, расстрелы близких, войну, тяжелое послевоенное время, оттепель, застой, успела порадоваться перестройке. Как и другие ее родственники, стала крупным ученым. Она принадлежала к числу интеллигентов, никогда не разделявших советскую идеологию, не предававших и не продававшихся, чудом выживших в сталинское время. Это были очень сильные люди, спартанцы, твердо понимавшие (и учившие своих детей), что единственное, что у человека нельзя отнять, что даст силы и шанс выжить, — это его внутренний мир: достоинство, чувство чести, стихи, музыка, любовь и знания, высокий профессионализм в своем деле. Т. В. была строгой, веселой, очень смелой. Она учила меня быть счастливой.

Ключевые слова: Т. В. Станюкович, В. К. Станюкович, петербургская интеллигенция, история России, репрессии, история этнографии, музееведение, Фонтанный дом, музейные династии, Кунсткамера.

М. V. Stanyukovich

TATIANA VLADIMIROVNA STANYUKOVICH: FAMILY AND DESTINY

Born in 1916, T. V. Stanyukovich witnessed all the main turmoils of the XXth c. In 1934 her family shared the fate of the nobility and gentry of St. Petersburg (then Leningrad) — they were exiled as ‘enemies of state’. She lost her parents, two brothers and a fiancé, survived exile and World War II, as well as the hardships of the post-war period. Then came the Khrushchev thaw, Brezhnev’s period of stagnation and the joys of perestroika. Like other members of her family, she gained the reputation of a prominent researcher.

T. V. Stanyukovich belonged to a thin strata of anti-Soviet intelligentsia, whose survival during Stalin’s time was a sheer miracle. They were very strong, with great stamina and endurance. They taught their children that the only wealth that actually belongs to a person, the only thing that gives strength to survive, is one’s inner world. A world of dignity, honour and integrity, based on poetry, music, love and knowledge, as well as the highest professional standards. T. V. was courageous and strict, cheerful and lighthearted, kind, but not sentimental. She taught me to be happy.

Keywords: Tatiana V. Stanyukovich, St. Petersburg, intelligentsia, history of Russia, Soviet history, repressions, history of anthropology, Kunstkamera, museum dynasties, ethnography.

У тебя плохое настроение?
Спрячь его в карман. Не порти жизнь
другим людям.

Т. В. Станюкович

Татьяна Владимировна была свидетелем и участником всех основных событий XX в. Она родилась в канун революции в Петербурге, в юности пережила ссылку как дочь врага народа, расстрелы близких — жениха и брата, войну, тяжелое послевоенное время, хрущевскую оттепель, брежневский застой, успела порадоваться перестройке. Как и другие ее родственники, стала крупным ученым.

Семейная хроника

Т. В. Станюкович родилась 10 июля 1916 г. в имении Яблочино на Украине, принадлежавшем Рышковым, родственникам первой жены ее отца, Надежды Юрьевны Станюкович, — той самой, которую постоянно писал В. Э. Борисов-Мусатов. Там в детстве, до поступления в Тенишевское училище в Санкт-Петербурге, воспитывался Николай, сын Владимира Константиновича и Надежды Юрьевны, рано умершей от туберкулеза. Семьи дружили, сестры Рышковы переехали в Ленинград после революции, которая стоила им гибели отца, убитого за форму офицера железнодорожных войск. Местоположение имения мама не помнила; я нашла его, вспомнив рассказ одной из сестер Рышковых, геолога тети Аллы, об их детском хулиганстве. Она вспоминала, как приветствовали визит соседей Омельченко, который сулил им необходимость долго чинно сидеть за столом, как полагается благовоспитанным девочкам. Девуцы выстраивались на крыльце и пели на мотив *Frère Jacques*:

Из Орельки, из Орельки,
Эка даль, эка даль,
Приплелись Омельки, приплелись Омельки,
Очень жаль, очень жаль!

Песня эта, как известно, поется с наложением партий, и слова разобрать почти невозможно, особенно издали. Омельченко думали, что их приветствуют каноническим текстом (*Frère Jacques, Frère Jacques, Dormez-vous? Dormez-vous? Sonnez les matines! Sonnez les matines! Ding, daing, dong! Ding, daing, dong!*), а злокозненные девчонки набирались духу для приема скучных гостей.

Я нашла Орельку неподалеку от села Яблочного в Харьковской области — там было много помещичьих усадеб, по некоторым есть сейчас туристский маршрут, но про имение Яблочино (в селе Яблочном?) не нашла ничего, возможно, его сожгли.

Вот фотография: в центре — бабушка Евгения Николаевна Бердяева с новорожденной Т. В. на руках;

— крайний справа в том же ряду — дядя Коля, сын дедушки от первого брака с Н. Ю. Рышковой, впоследствии ушедший с Белой армией, галлиполиец, парижской таксист и литератор (сейчас и у нас он немало издается);

Рис. 1. Семья с новорожденной Т. В. Станюкович в имении Яблочино

— старший мальчик на переднем плане — дядя Петя, сын бабушки от первого брака с «бомбистом» Поливановым, впоследствии «экономист, поэт», в Великую Отечественную награжден орденом «За храбрость» и расстрелян по ст. 58 (по своему поэтическому складу он был особенно неосторожен в разговорах);

— рядом с ним — младшие общие сыновья дедушки и бабушки: Кирилл (впоследствии ботаник, член-корреспондент Таджикской академии наук) и Алексей (специалист по стойкости и гибкости металлов, работал в Ленинграде в ЦКТИ; мама говорила, что он как ученый едва ли не крупнее, чем дядя Кирия, но его тематика засекречена);

— три девицы Рышковы — Наталья, Екатерина и Алла Сергеевны с родителями: первая, с которой очень дружила Т. В., впоследствии работала в Публичной библиотеке; вторая — Екатерина (кажется, косметолог, мы мало общались) и младшая — собаколюбивый геолог, которая много возилась со мной маленькой.

Родословная

Татьяна Владимировна, будучи историком, имела общие представления о своей родословной, но не слишком ею интересовалась, видя в этом тщеславие (думаю, будь предки попроще, а их поиск сложнее, ее исследовательский интерес был бы больше). Да вроде и так все было ясно — извещения о рождении старших братьев, Николая и Кирилла, еще успели появиться в Дворянском вестнике; о предыдущих поколениях не было недостатка сведений и в советских изданиях — регулярно в каком-нибудь морском или литературном издании печатали родословную Станюковича-адмирала или Станюковича-писателя, и кто-нибудь из знакомых приносил Т. В. вырезки. Она рассказывала, что род идет от Гедиминовичей, герб литовский, Станюкович-Вадвич, на нем изображены лодочка, крест и подкова (последнее, как ей кто-то сказал, могло обозначать выкрещенных татар — факт непроверенный, да и рисунок на гербе, кажется, другой). Что пер-

вый в роду (раньше фамилия звучала иначе, возможно, Станькович) перешел на русскую службу из Литвы и поселился в Смоленске. Что все они были морскими офицерами, даже писатель, бросивший службу после кругосветного путешествия, и что ее отец, Владимир Константинович, — первый Станюкович, не имевший никакого отношения к морской службе. Под Смоленском когда-то было имение, дарованное Станюковичам как дворянам-однодворцам, — оно описано в романе К. М. Станюковича «Беспокойный адмирал». Большого богатства в семье не было никогда. Отец писателя, адмирал М. Н. Станюкович, совершивший одно из первых российских кругосветных путешествий на шхуне «Моллер» (1826–1829), имел свои недостатки, но славился кристальной честностью. В пореформенные годы имение и вовсе перестало приносить доход, потомки адмирала жили на зарплату — служилое дворянство. Печатные и висящие сейчас в Интернете родословные, при всей неточности по части XX в. (например, Т. В. Станюкович там незамужняя и бездетная, нет последней жены и дочерей брата Т. В. Кирилла Владимировича от последнего брака — Марии и Ии — и пр.), эти рассказы в основном подтверждают. Они относят Т. В. к девятому поколению семьи, восходящей к родоначальнику Дементию (Демьяну) Станюковичу, который принял русское подданство в 1656 г., и подтверждают смоленское происхождение рода.

Владимир Константинович Станюкович, отец Т. В., родился в 1873 г. В младенчестве он потерял мать, про которую Т. В. Станюкович, видимо, ничего не знала, а родословная дает лишь ее фамилию — Королева. Его отец, Константин Иванович¹, женился снова, у Владимира появился единокровный брат Кирилл, впоследствии ставший капитаном одной из первых в России подводных лодок. Вскоре В. К. потерял и отца, воспитывала его мачеха («мачхен») Анна Никаноровна, любившая его больше собственного сына.

---

¹ Тетка писателя, который не оставил прямых потомков; все ныне живущие в России Станюковичи — потомки других сыновей адмирала. Мама всегда сердилась, когда ее называли внучкой автора «Морских рассказов».

Рис. 2. «Грелка». Т. В. Станюкович у отца на руках.
Около 1920 г.

Со смертью деда Татьяны Владимировны связана романтическая история, которую она любила рассказывать.

Дед, Константин Иванович, был человеком очень сильным и азартным. Однажды он поспорил, что удержит руками тройку лошадей — и проиграл, конечно: кони протащили его по вырубке. Было ясно, что жить ему осталось недолго, денег после него не останется, а рассчитывать на то, что детей воспитают на казенный кошт, можно было только в случае, если он умрет, будучи на государственной службе. Он поехал из Смоленска в Петербург искать места. Связей у него не было, ничего не получалось, и он уже собирался возвращаться. Встретил на улице знакомого цыгана — он сам прекрасно пел, был большим любителем и знатоком цыганского пения. Цыган звал в театр, Константин Иванович отнекивался, не до того. Но цыган все же вытянул из него историю его поисков и адрес пансиона, где он остановился. Вечером за ним приехали. Цыгане закрыли свой театр (он работал по ночам) и всю ночь пели для него одного. А наутро принесли ему назначение — у них были свои каналы, много было высокопоставленных людей, любивших цыганское пение. Так, благодаря цыганам К. И. умер уже на государственной службе, а сыновья его были воспитаны на казенный счет. Младший попал в более престижный морской корпус, потому что «мачхен» была родственницей адмирала Макарова, а В. К. — в кадетский, проще.

Оставим без комментариев правдоподобность подробностей. Только одно замечание: кажется, Татьяна Владимировна перепутала, дело происходило не в Санкт-Петербурге, а в Москве. Константин Иванович окончил Московский университет, в это время мог завести знакомства в цыганском театре. Да и вытребованное место было в Москве, чему достаточно свидетельств. Вот, например что пишут авторы предисловия к публикации воспоминаний Владимира Константиновича о Брюсове:

«Владимир Константинович Станюкович (1873–1939) — искусствовед и писатель. В 1886–1887 гг. он был ближайшим това-

рищем Брюсова по гимназии Креймана. «Знакомство со Станюковичем, — вспоминал об этом времени Брюсов, — побудило меня обратиться к русской литературе, которую я почти совсем не знал». Дружба, основанная на общих литературных интересах, продолжалась и после того, как в 1887 г. Станюкович перешел из гимназии в 4-й Московский кадетский корпус. Она прошла через все гимназические годы Брюсова, в течение которых «первый сотоварищ по поэзии», как он назвал Станюковича, играл значительную роль в его жизни».

Следующий этап его жизни так описан в персональной статье в «Википедии»:

Продолжил образование в 4-м Московском кадетском корпусе, а затем поступил в Александровское военное училище. В 1894 г. произведен в офицеры и получил назначение в Харьков, где параллельно определился вольнослушателем на естественный факультет университета. Карьера военного его не прельщала, и, отслужив в обязательные три года, Владимир Константинович подал в 1897 г. в отставку и поступил на службу в Русское страховое общество².

Из рассказов Татьяны Владимировны хорошо известно, почему Владимир Константинович сделал карьеру в страховом обществе, которая его не прельщала почти в той же степени, что и офицерская, — он хотел заниматься литературой и искусствоведением. Дело было в его первой жене. Надежда Юрьевна Рышкова-Палеолог была больна туберкулезом, врачи предрекали ей очень скорую смерть. В. К. тем не менее решил жениться и сделать все для продления жизни Н. Ю., а для этого нужны были немалые средства: ее нужно было лечить, вывозить в Италию. Талантливый во всем, Владимир Константинович ушел в коммерцию и быстро дошел до вершины

---

² Владимир Константинович Станюкович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Станюкович_Владимир_Константинович.

карьеры — стал товарищем (то есть заместителем) директора страхового общества «Россия» — крупнейшего в стране. Поженились они, кажется, в 1897 г., в 1898 г. уже родился их сын Николай. Вместо предсказанных года-полутора Н. Ю. прожила 8 лет и скончалась в 1905 г.

Со своей второй женой Владимир Константинович познакомился на Русско-японской войне, куда его призвали директором госпиталя. Евгения Николаевна Бердяева, москвичка, бестужевка, работала там сестрой милосердия. Оба понимали, что их любовь невозможна: В. К. не мог оставить свою больную жену. Они расстались, по окончании войны Владимир Константинович вернулся к Надежде Юрьевне, которая вскоре умерла. Смерть жены наложила на страшные впечатления войны и вылилась в безысходно-отчаянной книге «Пережитое» (1907), где бездарность командования и некомпетентность руководства были описаны в таких черных красках, что набор был рассыпан, а книга запрещена цензурой. Для В. К. настал черный период. Он тяжело переживал смерть жены, жил один, сын Николай воспитывался у Рышковых в Яблочине. Евгения Николаевна тем временем участвовала в антицаристских выступлениях, была близка к анархистам, сошлась гражданским браком со знаменитым аристократом, «бомбистом» Поливановым, который ограбил банк на нужды революции, и уехала с ним в Париж. Вскоре разочаровавшись и в анархизме, и в Поливанове, она ушла от него еще до рождения сына Петра. В борьбе против царизма она, впрочем, не разочаровалась и несколько лет жила в Париже, где под псевдонимом «Елена» (подробностей не знаю) была распорядительницей фондов (возможно, включая и награбленные Поливановым) для широкого круга русских антиправительственных организаций. Когда через несколько лет они снова встретились с Владимиром Константиновичем и поженились, часть этих фондов была спрятана на счетах В. К. Впрочем, в период второго брака В. К. быстро перестал быть состоятельным человеком — ушел из страхового общества и полностью вернулся к своим интересам (которые не бросал и в годы работы в страховой компании).

После революции он возглавил Музей дворянского быта (Шереметевский дворец). Там, в Фонтанном доме, и прошли детство и юность Татьяны Владимировны и ее братьев — Петра (усыновленного и очень любимого Владимиром Константиновичем), Кирилла и Алексея. Татьяна была самой младшей. Ее мать, Евгения Николаевна Бердяева (муж дразнил ее, утверждая, что ее предком был некий мифический князь Бердюк — по аналогии со Станюком, вероятно), в основном зарабатывала переводами.

Задавал тон в семье сам Владимир Константинович — литератор, литературный критик, искусствовед, автор первой монографии о В. Э. Борисове-Мусатове. Члены семьи В. К. запечатлены на картинах ряда художников. Самыми близкими из них были «лепила» — скульптор Александр Терентьевич Матвеев и «мазила» — художник Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов. Сохранился портрет кисти Петрова-Водкина, на котором изображен старший брат Николай, ушедший с Белой армией, вместе с псом Валетом и кошкой Принцессой — эти прожили долго, мама их хорошо помнила.

В 1920-е годы у всех детей в семье был туберкулез от голода, но в Фонтанном доме, где жила семья, еще царили интеллигентский быт с театром и карнавалом, полный смеха, стихов, культом розыгрышей, танцами, велись споры о политике, живописи и литературе. Шереметевский девиз «Deus conservat omnia» в семье в шутку переводили как «Боже, сохрани мои консервы».

Помимо четырех собственных детей, в семье постоянно жили приемные — от усыновленного сына дворничихи Шуры Алексева, больного полиомиелитом (он стал прекрасным художником), и Льва Гумилева, мальчиком приехавшего к А. А. Ахматовой, соседке по Фонтанному дому, и не поладившему с ее мужем Н. Н. Пуниным, до детей репрессированных друзей. Дружба с теми, кто выжил, сохранялась на всю жизнь. Среди них был «дядя Владя Воеводский», которому мама завещала меня в детстве перед своей операцией с неясным исходом — к этому времени он уже был крупнейшим физиком, академиком, одним из основателей Академгородка в Новосибирске. Они, конечно,

не изменили правилам «не трагедовать», говорить о серьезном шутливо. Дядя Владя говорил: «Вот здорово, помирай, конечно, Танюша, я Машку увезу в Новосибирск, мы с ней там роскошно заживем!»

Старший из сыновей, блестяще талантливый Петр Владимирович, был богемным юношей, склонным не только к поэзии, но и к кутежам и загулам. Вместе с приятелями из мира театра и кинематографа он устраивал невероятные буффонады. Помню рассказы Татьяны Владимировны о том, как они с Жоржем Бруссе, впоследствии известным режиссером Ленфильма, под ручки принесли домой чучело медведя, стоявшее у входа в «Метрополь», как Жорж вымаливал у мамы прощение за какую-то свою эскападу, сидя на льдине посередине Фонтанки и отказываясь выходить на берег, пока не получит прощения.

Одно из самых ярких воспоминаний — домашний кукольный театр в Фонтанном доме. Среди постоянных персонажей были Петрушка, героиня Анамалия Дурская (слепленная чуть курносой, похожей на маму) и рыцарь Вольфрам фон Механобр (сделанный из вольфрама, принесенного из Института механической обработки металлов). Пьесы сочиняли отец и старший брат Петр, в изготовлении кукол и декораций и в представлениях участвовали все. Там было много веселого дурачества, мама многое помнила. Арию Вольфрама я и сейчас могу спеть:

Какого беса я встретил Вас,
Моя принцесса, отрада глаз?
Курил спокойно папи-папироску,
Но раз взглянул —
И вот влюблен я в доску...
Какого беса я встретил Вас,
Моя принцесса, отрада глаз?

Были и вещи посерьезнее. Например, куклы, изображавшие святочную нечисть, обряженные в атрибуты советской власти, маршировали со словами:

Ведьмы, стройтесь попарно,
 Ада и тьмы сыны!
 Шабаш даем ударный,
 Такие шабаша нам нужны!

Остались у меня и альбомы Татьяны Владимировны со стихами и рисунками, тетради с бабушкиными и дедушкиными переводами «для души» с итальянского, французского, тетради стихов дяди Пети.

Рис. 3. Из альбома Т. В. Станюкович, с подписью, явно навеянной Ремизовым: «Дух Татьянник»

Все помнят отца Т. В. постоянно шутившим, часто рискованно: «Почему это меня еще не посадили? Я что, непорядочный человек?» Бомбы падали очень близко — тем более ныть и ходить надутым считалось дурным тоном.

Вскоре шутки кончились. Посетивший Фонтанный дом партийный босс Зиновьев потребовал послать ему на квартиру музейную мебель. Владимир Константинович, офицер, прошедший Русско-японскую войну, спустил его с лестницы. Музей закрыли, у В. К. отобрали паспорт. Вскоре Зиновьева самого

Рис. 4. Перед ссылкой.

Татьяна Владимировна сидит в первом ряду рядом с отцом

посадили, но тут В. К. со всей семьей выслали за убийство Кирова. Частушка «Огурчики да помидорчики, Сталин Кирова убил в коридорчике» стала прямо-таки домашней песней.

Друзья — Еропкины, Воеводские, Крогиусы, Шохор-Троцкие — поддерживали, посылали посылки с едой и одеждой, добивались возвращения семьи Станюкович из ссылки. Нина Ивановна Гаген-Торн, близкий друг Т. В., проведшая в два тура 20 лет на Колыме в лагере и ссылке, говорила, что ссылка хуже. В лагере все равны и есть хоть какая-то койка и пайка, а в ссылке все боятся тебя, как зачумленного, даже еду подбрасывают тайком, страшатся нанять на работу и пустить переночевать — самих посадят. Владимир Константинович заболел воспалением легких и чуть не умер. Спасло их то, что выслали их чудом в Саратов, где Владимир Константинович долго жил прежде, и нашлись люди, не побоявшиеся пустить их к себе в дом и найти черную работу сыновьям. Наконец одному из парижских знако-

мых Евгении Николаевны удалось добиться разрешения вернуться — благодаря тому, что среди многих организаций, которым Е. Н. раздавала деньги в Париже, наряду с эсерами, кадетами и анархистами были (или придумали, что были) и большевики.

Сначала вернулись братья, потом Татьяна с родителями. Вот письмо жениха Татьяны Владимировны, Д. И. Еропкина, написанного ей в ссылку:

4.05.1935

Дорогая Танюша, дорогая.

Как отрадно приветствовать Ваших братьев в Ленинграде, которому и Вы, надо надеяться, скоро окажете честь своим появлением.

От души желаю Вам подъема и бодрости в отстаивании своих прав.

Наверное, у Вас весна в полном разгаре. Природа справедливее людей, и для Вас расцветают цветы, светят звезды и текут широкие воды Волги...

По возвращении в Ленинград скончалась мать, Евгения Николаевна, а в 1938 г. расстреляли и жениха Татьяны Владимировны, выдающегося астрофизика Дмитрия Ивановича Еропкина (Станюкович 1989; Орлова 1989). Т. В. окончила вечернюю школу, работала в лаборатории фанертреста и ухаживала за отцом, который не просто был болен, но после смерти Е. Н. не хотел жить. Братья зарабатывали рабочий стаж — один токарем, другой пилоставом, поступили в вузы, женились и жили своей жизнью. Т. В. поступила на исторический факультет ЛГУ; они с тяжело больным отцом жили на ее стипендию и заработка экскурсовода (дедушкина пенсия — с четверть маминой стипендии). Братья помогали, но у них жены, дети, экспедиции. В 1939 г. В. К. умер, Татьяна Владимировна очень тяжело перенесла его смерть, замкнулась в себе. У нее всегда был легкий нрав, верные друзья и множество поклонников. Однако когда ей было особенно тяжело, она всех гнала от себя. Единственным, кто не послушался и, к ее возмущению, не переставал буквально ходить за ней (два года!), был ее однокурсник, археолог Анатолий Максимилианович Мандельштам.

Рис. 5. Из альбома. Т. В. Станюкович в 1938 г. (после гибели Д. И. Еропкина). М. Я. Михельсон в начале 1950-х. Рис. Г. И. Орловского

И выходил-таки — она вышла за него замуж. Это была ошибка, она не любила его — просто сдалась. Т. В. скучала по большой дружной семье, в которой выросла, и чудное интеллигентное семейство Мандельштамов ее «обволакивало», как она говорила. Она очень дружила со свекром.

В это время Т. В. тяжело болела, едва не умерла от аппендицита. У нее был врожденный порок сердца, и врачи отказались оперировать — все равно умрет на столе. Дотянули до перитонита, лечить его было непросто, ведь еще не было налажено производство пенициллина. Т. В. взяла академический отпуск... и тут началась война. Декан истфака, учитель Татьяны Владимировны Мавродин разрешил ей сдать экстерном госэкзамены. Все три брата ушли добровольцами на фронт (самый старший, Николай, галлиполиец, давно уже жил в Париже). Зимой 1941 г. А. М. Мандельштама командировали во внутренние войска в Таджикистан, Т. В. поехала с ним.

В 1943 г. старший брат Петр, воевавший на Кавказе, был представлен к награде «За доблесть», но вместо ордена получил ст. 58 и расстрел. Его маленький сын Сергунька и жена Наташа Шохор-Троцкая погибли в немецком лагере для евреев. Как много позже писал верный семейной традиции дядя Леша в стихотворении по мотивам «Истории от Гостомысла» А. К. Толстого: «Но вот в семье порядка / они не завели, / сторонники порядка / под корень их свели». Расстреливать дядю Петю привезли в блокадный Ленинград, так что последние его дни братья снова были вместе, хотя и не знали об этом: Кирилл, снайпер, каждый день выходил на лед Финского залива, а Алексей командовал артиллерией на Синявинских болотах.

В Таджикистан были эвакуированы многие ленинградские учреждения — театры, академические институты. Восстановившись от блокадной дистрофии, Татьяна Владимировна, историк XVIII в. по образованию, стала работать с антропологами и этнографами. С 1941 по 1944 г., прожитые там, Т. В. была сотрудником и экскурсоводом Таджикского филиала Академии наук, заведовала фондами Республиканского музея Таджикистана. У нее появился первый экспедиционный опыт. «Апа, а апа, мура-

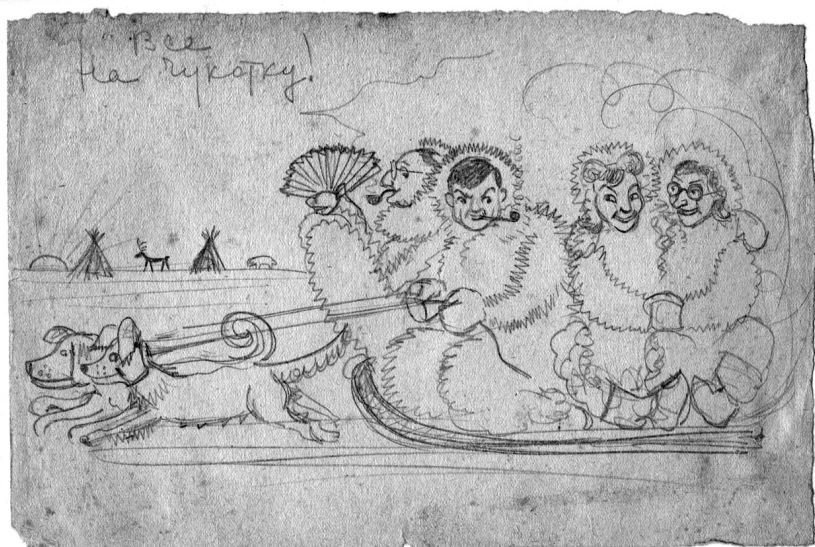

Рис. 6. Все на Чукотку! Г. Ф. Дебец, С. В. Иванов и его жена, Т. А. Иванова и Т. В. Станюкович. Вероятно, рисунок Т. В. Ивановой

вьев искаешь?»³ Так определился круг ее интересов, сохранившийся на всю жизнь: полевая и музейная этнография, переселенческое население Средней Азии.

Мечтали об окончании войны, строили планы экспедиций. В 1944 г. Татьяна Владимировна ушла от мужа и вернулась одна в Ленинград. Поступила в аспирантуру, стала ездить в экспедиции, создала первую экспозицию Музея Ломоносова. Отныне ее жизнь была связана с Институтом этнографии (Кунсткамерой).

Т. В. закурила от голода в войну и бросила курить перед моим рождением. Когда я «встала на ноги» — поступила в аспирантуру, она начала курить снова. На вопрос, хотела ли она курить эти 20 с лишним лет, она твердо ответила: «Каждый божий день!»

³ Т. В. приехала в деревню, где до нее работали энтомологи, которых местные жители считали сумасшедшими — девона. Т. В., заезжая горожанка, была на них, наверное, похожа. А к девона принято хорошо относиться, сочувственно. Отсюда и жалостливый вопрос: мол, ты, сестра, тоже из этих?

Рис. 7. Татьяна Владимировна Станюкович в 1940-е годы

В конце 40-х годов Татьяна Владимировна снова встретила знакомого детства, другого брата Кирилла, который вместе с ним школьником ходил в ботанический кружок. Михаил Яковлевич Михельсон, тогда уже профессор Военно-медицинской академии (впоследствии он возглавил лабораторию в Институте физиологии), крупнейший ученый-фармаколог, изобретатель многих лекарств, стал моим отцом. Они прожили вместе 8 лет и расстались сразу после моего рождения. У меня мамина фамилия и отчество по бабушке, в свидетельстве о рождении в графе «отец» — прочерк. Я никогда не видела отца. Мама не разрешала ему давать на меня деньги, не хотела, чтобы мы общались, а он умер раньше нее. Мама была очень строгой, такой королевой-

девственницей. Мне кажется, что она его любила до конца жизни. Зато недавно я наконец познакомилась со своим сводным братом, Виктором Михайловичем Михельсоном, он старше меня на 8 лет. Мы понравились друг другу.

Институт и поле

В 1948 г. Т. В. Станюкович защитила кандидатскую диссертацию по теме «Жилище русских переселенцев Средней Азии». Научным руководителем был профессор И. И. Зарубин, но своими учителями она считала Е. Э. Бломквист и Е. М. Пещереву. Ее друзьями в Институте были в первую очередь «среднеазиаты» — Н. А. Кисляков, Э. Г. Гафферберг, Б. Х. Кармышева. У нее было много друзей и в московской части института — М. Г. Рабинович, О. А. Ганцкая, Л. Н. Чижикова (все — слависты). Каждый год до своей последней, третьей, операции Т. В. ездила в экспедиции — была начальником Казахстанского отряда Среднеазиатской экспедиции общего Московско-Ленинградского Института этнографии. Я выросла на ее письмах из Казахстана и на полевых рассказах.

Экспедиция — сакральное понятие в семействе Станюковичей. Были когда-то моряки, стали этнографы (3), ботаники (2), энтомологи (2).

В 63 года Т. В. Станюкович защитила докторскую диссертацию по специальности «этнография» по теме «Этнографические музеи Академии наук и развитие отечественной этнографии».

Эпилог

Скажу в заключение еще несколько слов о жизненных принципах Татьяны Владимировны. Она жила по строгим канонам, унаследованным от родителей: очень много и серьезно работала, спартански относилась к быту, еде и одежде, к своему ужасному здоровью, во время приступов улыбалась и шутила. Щедро тратила деньги на книги, пластинки классической музыки, филармонию. Не прощала предательства, не терпела злоречия и сплетен. В зверской советской коммуналке умудрилась создать

уютный дом, всегда открытый для друзей и учеников. Чтила память учителей, любила и опекала учеников. С большим вкусом устраивала домашние вечера, шарады, любила танцевать, петь на два голоса, была признанным мастером написания «дурацких стихов», ставила шуточные пьесы. Она погибла в 76 лет, попав под машину по дороге с работы.

Вокруг нее всегда были верные поклонники, которых она держала строго, пытавшимся подойти слишком близко отказывала от дома. Сохранились десятки портретов Т. В., которые писал фактически всю жизнь (с ее 14 лет) состоявший при ней замечательный художник Глеб Иванович Орловский. Уже после похорон (напомню, ей было 76 лет) к нам приехал мамин друг детских лет и поклонник Эммануил (Илик) Крогиус. Я страшно удивилась: мама с нежностью рассказывала об Илике, но я никогда его не видела и была уверена, что он погиб на войне. Он объяснил: «Твоя мама — а я точно знаю, что лучше человека не было на свете, — была очень строгой. Я мог на нее только издали любоваться, боялся ее рассердить...»

Шереметевский девиз «Deus conservat omnia» на самом деле значит «Бог сохраняет всё».

Библиография

- Лукомская Л. Я., Магазирик Л. Г. Михаил Яковлевич Михельсон (к 100-летию со дня рождения) // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2012. Т. 48, № 3. С. 313–315.
- Орлова Н. Б. Молодой астрофизик (Дмитрий Иванович Еропкин). URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/orl92h2.htm> (дата обращения: 01.10.2019).
- Станюкович В. К. Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов. СПб.: Тип. т-ва «Труд», 1906. 50 с.
- Станюкович В. К. Пережитое. Воспоминания зрителя войны. СПб.: Тип. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1907. 104 с.
- Станюкович В. К. Домашние крепостные театры. Л.: Государственный Русский музей, 1926.
- Станюкович В. К. Бюджет Шереметевых (1798–1910) // Управление музеями-усадьбами. М., 1927. 25 с., 2 л. диагр. (Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП).

- Станюкович В. К.* Домашний крепостной театр Шереметевых XVIII века. Л.: Государственный Русский музей., 1927. 75 с.
- Станюкович В. К.* Постройка Останкина (Историческая справка). М.: Издание Музейного фонда, 1927.
- Станюкович В. К.* Семья Аргуновых. Л.: Государственный Русский музей, [1927].
- Станюкович В. К.* Старые Кусковские хоромы // Сборник Общества изучения русской усадьбы. М.: ОИРУ, 1927. Вып. 4–5: Старое Кусково.
- Станюкович В. К.* Домашние крепостные театры // Красная нива. 1928.
- Станюкович В. К.* Крепостные художники Шереметевых. К двухсотлетию со дня рождения Ив. Аргунова. 1727–1927 // Записки историко-бытового отдела ГРМ. Л.: Б. и., 1928. Т. 1. С. 131–179.
- Станюкович В. К.* Неизвестная работа Д. Аткинсона в России // Записки историко-бытового отдела ГРМ. Л.: Б. и., 1928. Т. 1.
- Станюкович В. К.* Графиня-крестьянка — биография П. И. Ковалевой-Шереметевой. Л., 1929.
- Станюкович В. К.* История шереметевского богатства — экономическое исследование // Сборник управления Музея-усадьбы Останкино. М., 1930.
- Станюкович В. К.* Мещериново — история усадьбы за 150 лет. Л.: Государственный Русский музей, 1930.
- Станюкович В. К.* Воспоминания о В. Я. Брюсове // Валерий Брюсов / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. С. 713–754. (Литературное наследство / ред.: В. Р. Щербина (гл. ред.), В. Г. Базанов [и др.] ; т. 85).
- Станюкович Е. К. В. К. Станюкович* — хранитель Фонтанного дома // Государственный музей-заповедник «Царское Село». Хранители: материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб., 2005. С. 216–225.
- Станюкович П. В.* Из пепла: книга стихов. Париж, 1929.
- Станюкович П. В.* Свидетельство: книга стихов. Париж, 1938.
- Станюкович П. В.* Возвращение въ гавань: Третья книга стихов. Париж: Изд. автора, 1949. (Imp. NIKICHENE).
- Станюкович П. В.* Дело Александра Рогова. Автобиографический роман. 1965–1967.
- Станюкович Т. В.* [1989] Фрагменты воспоминаний. URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/memory/stan92h.htm> (дата обращения: 01.10.2019).